

О малой родине с любовью

Хуторок мой, Хорин

*(зарисовки из биографического повествования
о времени своем и предков)*

Друзья детства моего! Помним ли мы то место, где родились? Помним ли наш маленький хуторок? - хутор Хорин... Помним ли саманные хаты под соломой, буйные лопухи и бурголову вокруг дворов. Здесь тебя, мелочь босоногую, с головой не видно - ищи не ищи, если не подашь голоса...

Помним ли, снится ли во снах, и видится ли наяву речка Синюха? Когда над урупскими Предгорьями подолгу висит ультрамариновое небо, Синюха наша - чистая, как слезинка, звонко-прозрачная, говорливая на перекатах, на камешках-голышах. Ездили-переезжали ее подводами, бричками, бедарками или верхом, упираясь в стремена, а детвора проскакивала речку босиком. Но зимой и летом вода ее всегда достает до костей, обжигая холодом.

Под вековыми вербами, дряхлыми, но все еще могучими, в заводях-закоулочках, о которые спотыкается и снижает свой разбег эта речка, водились премудрые, как и сами хуторяне, пескари. В этих же крутелках надо было искать и норы: в них, как правило, жили кусачие раки-усачи. Над кручами и

поныне даже в засушливые и жаркие лета свисают горьковато-ароматные, огромные, до полутора метров в диаметре, речные лопухи.

Начало Синюха берет выше в горах. Юркой змейкой пронзает она Отрадненское Предгорье, течет параллельно с красавцем Урупом, давая названия хуторам, давно возникшим на ее упруго-черноземных берегах: Спокойная Синюха, Подгорная Синюха, Новосинюхинский (по названию колхоза его помнят, как «Молотов»). И только наш хутор Хорин, также прильнувший к берегам Синюхи, выпадал из общего географического благозвучия. Нас, хоринцев, в послевоенные годы, вплоть до 1990-х, называли еще и по другому - «чапаями». В хуторе был колхоз имени Чапаева, легендарного в советские годы красного командарма Василия Ивановича Чапаева.

А что же речка? Едва обрушатся в горах проливные дожди-градобои и милая, словно блеющая овечка под синим небом, Синюха превращается в разгуляй-рубашу, бешеную стерву, разъяренного вепря! В такие дни и часы она, грязно-кисельная, сметает все на своем пути. Не одно поколение хуторян помнит, как добиралась она до хат и сараев, уносила через плетни и заборы кур и поросят. Растерянно плыли в ее мутных водах вместе с бревнами и ульями стаи перепуганных гусей и уток. Наше подворье в центре хутора было на высоком берегу, и мы: бабушка, мать, отец, соседи, что справа и слева, наблюдаем с крутизны наших огородов, как внизу беснуется («гуляет», говорили хоринцы) родная речка Синюха.

- Откуда я взялась? Где вы меня взяли? – пыталась я своих родителей в четырехлетнем возрасте. – В Синюхе поймали, где же еще! – отвечали мне, долго не мучаясь с ответом.

«Поймали в Синюхе», оказывается, не одну меня, но и добрую половину моих сверстников. Ловить потомство в мутных водах «гуляющей» Синюхи, видать, не всякому было по плечу. Ленивым же родителям (кто не хотел ловить детей в Синюхе) в первое послевоенное десятилетие приносила в своей черной кирзовой сумке акушерка Мария Григоровна. Так и говорили: «Григоровна принесла». Тетя Маруся Сергиенко, труженица и бессребреница, как многие из ее поколения живет ныне в Отрадной, у дочки, - дай ей бог, здоровья и сил. Теперь-то только одна она вспомнила фамилию прямо-таки легендарной на Синюшкиных хуторах опальной московской акушерки. Осужденная и высланная из Москвы в сороковые годы за подпольный аборт, который был запрещен сталинскими законами, Мария Григорьевна Брунова так и прожила в нашей глухомани одиноко и подвижнически. Уже тогда она

была немолодой. Целое поколение детей, родившихся в конце 40 - начале 50-х послевоенных годах в Хорине, Ново синюхе, Ардагане родились «в ее кирзовой сумке»...

Высокую сутуло-костлявую фигуру акушерки узнавали издалека. У «Григоровны» по-крестьянски повязанный под подбородком платочек, длинная широкая юбка. На одной полусогнутой руке - неизменная кирзовая сумка с нехитрым акушерским снаряжением, в другой – солидная палка-посошок, спутница и защитница от собак. Собачье отродье зачастую то подло изподтишка, то с наглым лаем пугали и кусали докторшу во время ее круглосуточной службы на забытых богом хуторах.

Да уж было мне лет пять, когда стала меня брать обида. У ровесников все появлялись и появлялись братишки да сестренки. Стала я приставать к родителям: когда да когда у меня тоже будет брат или сестричка. А те, мол, когда Мария Григоровна принесет! И стала я ее днями караулить. Выбегу за калитку и вглядываюсь в сторону верхних хуторов, не появится ли знакомая фигура с заветной сумкой. Взрослые ведь говорят, что тем, кто обленился детей в Синюхе ловить, Григоровна их в сумке приносит. Долго караулила, но все-таки дождалась. Батюшки мои! - Мария Григоровна направилась во двор, где живет соседка и подружка моя Галька Базалеева. Рассекает порывистым шагом роскошные заросли бурголовы (так на хуторе обзывали болиголов). Перескакивая через кочки и колючки босыми ногами, я догнала ее и молча сзади, сгорая от нетерпения, на ходу стала ощупывать ее затрепанную кирзовую сумку. Несет ли она в ней ребенка? Если несет, то зачем же опять Гальке? Ей она и так недавно маленькую сестренку принесла, ее уже и Танюшкой назвали. Это ж нечестно! Если в сумке ребенок, то попрошу нам отдать! Не успела я определить, есть ли дите в сумке, как пуганная собаками докторшахватила, не глядя, палкой. От боли я заорала, а Мария Григоровна себе благим матом: – Фу, чортенок!.. Я думала собака сзади подкралась!..

Этот случай еще долго был предметом смеха и шуток в незатейливой событиями хуторской жизни.

* * *

Раннее, солнечное, росное утро. От родного подворья до самых вершин бугристых склонов – усеянные алыми маками молодые «зеленя» (еще не выбросившие колос хлеба). В наших предгорьях так бывает только в конце мая. И вскоре ты, босоногая девчушка с растрепанными косичками -

мышинными хвостиками, по пояс вымокнув в росе, бежишь домой, прижимая к себе маковый букет...

Летний день на исходе июля. От домашнего плетня вверх по склону, где майские маки расцветивали зелень хлебов, теперь царит золото скошенной пшеницы. По всему склону – косилки-жнейки и работающий люд. Женщины в пестрых платьях, блузах, косынках. Они вяжут снопы и составляют их друг к другу, вслед за ними множатся ряды толстопузых стогов. Я знаю, что среди них - моя мама, она тоже вяжет снопы. А за мной присматривает моя нянька, 11-летняя Маруся Разумнова. И ее мама тоже вяжет снопы. Мы с Марусей жмуримся от яркого солнца, прикладываем ладошки козырьками к глазам, стараемся угадать своих мамок в этой цветастой стае женщин, убирающих хлеб.

* * *

Июльский полдень и зной. Круглоголовая вершина Антонцова бугра мощно прикрывает хутор с северо-запада. У его подножия бьет упругим ключом родник, его вода журчит и катится вниз к речке Синюхе. Это удобное место водопоя. Здесь хуторские буренки стоят, лежат, пережидая полуденный зной.

Нас трое. Двоюродный братик мой Толик Букреев - мой ровесник, я и наша с ним бабушка - Мария Васильевна Хорина (Антонец). Бабушке днем нужно доить коровку. Нам лет по пять, а идти километра полтора. Босым и загорелым, поцарапанным и ободранным ногам колко ступать по корявым засохшим кочкам. Дорога прыгает с горы на гору, с горы на гору и кажется, что ей не будет конца. Ступишь на обочину - того и гляди, зловредного татарника колючку в пятку загонишь. Плохо, если отстанешь, тогда совсем плохо - силы вконец оставят. Мы с братцем стараемся руками вцепиться за бабушкину юбку. И легче бежать по кочкам, и тень можно поймать от бабушкиной фигуры на выгоревшем от полыхающего зноя склоне горы.

Руки у бабушки заняты ведрами: в одной подойник для молока, в другой - ведро с полотенцем. В прохладном роднике бабушка этим ведром зачерпнет воды, вымоет Зорьке дойки, а в чистый подойник будет струиться молоко. Нам хочется и родниковой воды испить, и молочка парного отведать средь бела дня прямо с краешка ведра. Смешно, когда носы наши ныряют во вздыбленную молочными струйками пенку.

* * *

С хутора Хорин в станицу Попутную напрямую, если спускаться по Целуйкиной горе, - двенадцать километров... И снова в пути нас трое: бабушка Маруся, я и Толик. Как все дети в летнюю пору – босоногие. Ноги тонут в мягкой и теплой пыли, как в муке, оставляют в ней смешные кривые «лапки» - подошвы. Оглядываемся и оглядываемся на свои смешные следы.

Идем уже часа два, может больше, и только одна машина обогнала и окутала нас облаком непроглядной серой пыли-муки. Не остановилась, не взяла, не смотря на то, что мы, дети, усердно махали ей ручонками, как научила нас бабушка. Ночевка в станице у Клименко(вых), утром - «попуткой» в станицу Удобную к бабушке Моте. Она, Матрена Васильевна Черепивская, учительница и зав. начальной школой на Белом Ерикe - младшая сестра нашей бабушки.

Мы с Толиком еще не знаем, не ведаем, что не пройдет и десяти лет, как она выйдет на пенсию и переедет в Армавир. Там в лучшей школе города 1960-х (СШ № 8) переучит всех внуков своих сестер (собственных детей у нее не было). Она мечтала о высшем образовании для нас, хуторских детей. Радовалась, когда мы один за другим, прожив у нее по четыре года, становились студентами.

Мы, мальцы, еще не знаем, как во время городских каникул будем несчетно раз проходить эти двенадцать километров от Попутной до хутора также пешком, преодолевая крутые перевалы и глубокие балки в любую погоду. Автобусов на хутора тогда еще не было. Но каждый раз во время трехчасового пути к родному дому, у меня всегда перед глазами всплывала та первая моя в жизни дорога длиной в двенадцать километров по мягкой, глубокой и знойной пыли до станицы Попутной...

Нианила Петрова-Хорина,
член Общества историков-архивистов
Отраденского района